

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
12 March 2021
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Соображения, принятые Комитетом по правам ребенка в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 51/2018* **

<i>Сообщение представлено:</i>	А.Б. (представлен адвокатом Сини Майландер)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор
<i>Государство-участник:</i>	Финляндия
<i>Дата сообщения:</i>	27 июня 2018 года
<i>Дата принятия решения:</i>	4 февраля 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	наилучшее обеспечение интересов ребенка; дискриминация; недопустимость неправомерной высылки
<i>Процедурные вопросы:</i>	недостаточное обоснование утверждений
<i>Статьи Конвенции:</i>	2, 3, 13, 14, 16, 17, 19, 22 и 29
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	7, пункты d) и f)

1. Автором сообщения является А.Б., гражданин Российской Федерации, родившийся 27 июня 2010 года. Он утверждает, что государство-участник нарушило его права, закрепленные в статьях 2, 3, 13, 14, 16, 17, 19, 22 и 29 Конвенции. Автор представлен адвокатом. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 12 февраля 2016 года.

Факты в изложении автора

2.1 Автор родился в Российской Федерации и жил в ней до 2015 года. Его биологическая мать, В.Б., является лесбиянкой, которая совместно проживает со своей партнершей, А.С.¹. С учетом крайне враждебной обстановки для сообществ

* Приняты Комитетом на его восемьдесят шестой сессии (18 января — 5 февраля 2021 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Сюзанна Ахо Ассума, Амаль Салман Алдосери, Хайнд Айюби Идрисси, Филипп Жаффе, Ольга А. Хазова, Гехад Мади, Беньям Давит Мезмур, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Аисату Алаассан Сидику, Анн Мари Скелтон, Велина Тодорова и Ренате Винтер.

¹ В.Б. и А.С. являются гражданками Российской Федерации. В.Б. родилась 11 февраля 1980 года, а А.С. родилась 5 июня 1981 года. Автор утверждает, что они состоят в фактических брачных отношениях, однако на дату первоначального представления Российская Федерация не признавала ни однополые браки, ни любую другую форму гражданского союза однополых пар.

лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов в российском обществе в период пребывания в Российской Федерации В.Б. и А.С. скрывали характер своих отношений из опасения преследования и дискриминации². Они также скрывали это от А.Б., опасаясь, что он может рассказать об этом за пределами их внутреннего круга общения. Они раскрыли свои истинные отношения только самым близким друзьям и родственникам. Они анонимно участвовали в мероприятиях в поддержку прав лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов. После того, как на публичном интернет-портале была опубликована статья с описанием семьи автора, хотя и с использованием вымышленных имен, В.Б. и А.С. подверглись угрозам в размещенных под статьей комментариях.

2.2 Когда автор рассказал о своей семье в детском саду, отношение к нему со стороны сотрудников детского сада изменилось, и они стали обращаться с ним грубо и агрессивно. Автор стал чаще плакать и отказываться от посещения детского сада. Семья перевела его в другой детский сад, но и там сотрудники заявили В.Б., что состав его семьи является «ненормальным», и обращались с автором ненадлежащим образом, в том числе кричали на него, били его и не препятствовали ему есть продукты, которые вызывают у него аллергию. Другие дети в детском саду также начали издеваться над автором и говорили ему, что «гомосексуалисты не должны существовать». Родители автора безрезультатно сообщали об этих издевательствах сотрудникам детского сада. У автора не было друзей, а родители других детей «ограждали своих детей от него и его семьи». Результатом пережитой ситуации явилось появление у А.Б. тревожного состояния, и он начал высказывать суицидальные мысли.

2.3 В 2015 году, когда автору исполнилось пять лет, семья переехала в Финляндию. 10 апреля 2015 года члены семьи подали ходатайство о предоставлении убежища и видов на жительство по соображениям гуманности и сострадания и привели в качестве основания факты преследования и дискриминации, с которыми они столкнулись, а также заявили об опасениях дальнейшего ущемления их прав по причине сексуальной ориентации В.Б. и А.С.

2.4 В период рассмотрения заявлений семья проживала в Финляндии около двух с половиной лет. В это время автор начал изучать финский язык и посещал детский сад, где у него появились друзья. В.Б. и А.С. впервые заговорили с автором о своих отношениях, и автор стал называть их обеих «мами». Семья активно взаимодействовала с другими семьями с однополыми родителями, и автор узнал о различных типах семейных структур. По словам воспитателя дошкольного учреждения, во время пребывания в Финляндии автор выглядел счастливым и открытым.

2.5 После того как они подали заявление о предоставлении убежища и видов на жительство в Финляндии, Иммиграционная служба Финляндии трижды проводила собеседование с В.Б. и А.С., на которых они объяснили, что семьи с однополыми родителями живут в Российской Федерации под сильным давлением и в постоянном страхе угроз и преследований. Однако в рамках данного разбирательства автор так и не был заслушан.

² Гомосексуализм был декриминализован в Российской Федерации в 1993 году, а в 1999 году он был исключен из официального перечня психических расстройств и состояний. Однако, по словам автора, в последние годы среди широкой общественности и высокопоставленных государственных должностных лиц усилилось негативное социальное отношение, насилие и враждебность к лесбиянкам, геям, бисексуалам и транссексуалам, что нашло отражение в некоторых поправках к законам и административному законодательству. См. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях с изменениями от 29 июня 2003 года, устанавливающий административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних («закон о гей-пропаганде») и принятый в июле 2013 года Федеральный закон № 167-ФЗ о внесении изменений в отдельные законодательные акты по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с которым установлен запрет на любое иностранное усыновление (удочерение) российских детей родителями, состоящими в однополном браке, признанном другим государством.

2.6 19 июля 2016 года Иммиграционная служба Финляндии отклонила все их ходатайства и сделала вывод о том, что семья может быть выслана в Российскую Федерацию без какой-либо опасности подвергнуться преследованиям, серьезным неблагоприятным условиям или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, либо по возвращении в страну она может переехать в другой регион. Иммиграционная служба отметила, что в последние годы в Российской Федерации усилилась негативная риторика в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов как со стороны государственных должностных лиц, так и СМИ и что принятым в 2013 году «законом о гей-пропаганде» были узаконены преследования со стороны властей, аресты и даже осуждение активистов, отстаивающих права сексуальных меньшинств. Она также отметила, что закон о гей-пропаганде и в целом более жесткие общественные настроения привели к росту насилия в отношении сексуальных и гендерных меньшинств, которое воспринимается властями как допустимое и незаслуживающее наказания. По поводу семьи автора Иммиграционная служба признала как факт, что В.Б. и А.С. в прошлом подвергались дискриминации в российском обществе, но считала, что такая дискриминация не превышает порог преследования, и не сочла, что В.Б. и А.С. будут подвергаться опасности серьезных нарушений их прав в случае возвращения в страну происхождения, учитывая, что они уже жили в Российской Федерации со статусом лесбиянок, не став жертвами насилия или других серьезных нарушений их прав и не испытывали проблем с властями по причине своей сексуальной ориентации³. В отношении автора Иммиграционная служба признала в качестве факта то обстоятельство, что сексуальная ориентация В.Б. и А.С. могла стать одной из причин негативного отношения к автору со стороны сотрудников детского сада и других детей и что он действительно подвергался издевательствам. Однако она отметила, что на указанное обращение могли повлиять и другие факторы и что издевательства, тем не менее, не соответствуют критериям преследования, поскольку действия, предпринятые против автора, не были чрезмерно жесткими, а некоторые действия, например крик, могли быть частью нормальной процедуры поддержания дисциплины в детском саду. Автору не препятствовали посещать детский сад, и его не подвергали другим необоснованным действиям, которые бы серьезно нарушали его права. В своей оценке ходатайства семьи на получение вида на жительство по соображениям сострадания Иммиграционная служба указала, что наилучшее обеспечение интересов любого ребенка заключается в том, чтобы предоставить ему возможность жить вместе со своими родителями. В силу указанных причин Иммиграционная служба вынесла решение о том, что высылка семьи в Российскую Федерацию не противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка.

2.7 Иммиграционная служба Финляндии отметила, что начиная с 2014 года в Российской Федерации усилились опасения сексуальных и гендерных меньшинств в связи с возможностью изъятия их детей. Однако Иммиграционной службе не известны случаи, когда лица, принадлежащие к сексуальному меньшинству, лишались бы права попечения над ребенком по причине своей сексуальной ориентации, и поэтому она не согласна с тем, что В.Б. и А.С. рискуют утратить право опеки над автором в случае возвращения в Российскую Федерацию. Иммиграционная служба пришла к выводу, согласно которому автор и его семья не подвергнутся опасности серьезных нарушений их прав в стране происхождения.

2.8 Семья автора обжаловала решение Иммиграционной службы Финляндии в Административном суде Хельсинки, где она утверждала, что Иммиграционная служба не обосновала отсутствие опасности преследования семьи в будущем и настаивала на том, что дискриминация, с которой члены семьи уже столкнулись, должна рассматриваться как преследование и что отсутствие преследования в прошлом не должно рассматриваться как доказательство отсутствия такой опасности. Семья также настаивала на том, что, даже если она не была признана имеющей право на международную защиту, то принимая во внимание все факты дела, а также

³ Иммиграционная служба Финляндии в своем заключении сослалась на Руководство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) по процедурам и критериям определения статуса беженца.

ориентированное на права человека толкование закона и принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, членам семьи должны были быть предоставлены виды на жительство по соображениям сострадания⁴.

2.9 Решением от 14 марта 2017 года Административный суд Хельсинки подтвердил решение Иммиграционной службы Финляндии. Суд принял к сведению представленное семьей автора сообщение, в котором документально подтверждается случай, когда гражданка России была лишена права опеки над своим ребенком за однополые отношения. Однако Суд пришел к выводу о том, что в этом сообщении не было дано подробного пояснения дела и что один случай не позволяет ему сделать вывод о том, что у семьи имеются вполне обоснованные опасения, что в случае возвращения в Российскую Федерацию их опека над автором может быть прекращена. Суд признал, что сексуальные и гендерные меньшинства в Российской Федерации, особенно те лица, которые открыто заявляют о своей гомосексуальности, могут подвергаться опасности стать жертвами насилия и других грубых нарушений их прав. Однако Суд пришел к выводу о том, что в случае возвращения в страну происхождения В.Б. и А.С. не угрожает опасность подвергнуться грубым нарушениям их прав или понести серьезный ущерб. В решении не приводится ссылка на принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка.

2.10 30 марта 2017 года семья подала в Верховный административный суд Финляндии заявление о выдаче разрешения на обжалование, в котором она утверждала, что Иммиграционная служба Финляндии и Административный суд Хельсинки не учли в своей оценке принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. Семья утверждала, что не была проведена оценка того, как существующая в Российской Федерации открыто враждебная среда, преследование и дискриминация лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов и семей с однополыми родителями повлияют на права автора. Кроме того, члены семьи утверждали, что ни Иммиграционная служба, ни Административный суд не придали никакого значения тому факту, что в случае возвращения в Российскую Федерацию для защиты самого себя и своей семьи автору придется научиться скрывать правду о своей семье и лгать по этому поводу. 4 июля 2017 года их ходатайство о выдаче разрешения на обжалование было отклонено. Следовательно, постановление, вынесенное Административным судом по данному вопросу, является окончательным.

2.11 25 июля 2017 года автор, В.Б. и А.С. подали заявление о содействии добровольному возвращению. 27 июля 2017 года это ходатайство было удовлетворено, и 7 августа 2017 года автор вместе с В.Б. и А.С. покинул Финляндию при содействии Международной организации по миграции⁵.

2.12 По возвращении в Российскую Федерацию В.Б. и А.С. были вынуждены просить автора скрывать истинный характер их отношений. Автор не нашел друзей в своей новой школе и, учитывая, что российское общество открыто критикует однополые отношения, он стал задаваться вопросами по поводу наличия в отношениях его родителей неправильных особенностей. Учитывая, что персонал школы стал грубо обращаться с автором и В.Б., семья подозревает, что характер отношений между В.Б. и А.С. мог быть раскрыт и что им, возможно, придется снова сменить место жительства. Семья продолжает жить в постоянном страхе дальнейших преследований и дискриминации.

⁴ Семья утверждала, что Иммиграционная служба Финляндии не приняла во внимание принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка в качестве основного соображения по их делу, в рамках которого была представлена информация о положении детей родителей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, а также письменное заявление, подтверждающее их утверждения, особенно их опасение потерять опеку над автором, если власти обнаружат характер их отношений.

⁵ На время отправления первоначального представления семья проживала в Российской Федерации.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что стал жертвой нарушения статьи 3, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Конвенции⁶. Он утверждает, что при рассмотрении поданных им и его семьей заявлений о предоставлении убежища или видов на жительство в Финляндии финские власти пренебрегли надлежащей оценкой наилучшего обеспечения интересов ребенка. Хотя Иммиграционная служба Финляндии упомянула в своем решении о наилучшем обеспечении интересов ребенка, это было сделано поверхностно и касалось только концепции, согласно которой для наилучшего обеспечения интересов любому ребенку следует предоставить возможность жить вместе со своими родителями. Административный суд Хельсинки и Верховный административный суд Финляндии не заняли никакой позиции по вопросу о наилучшем обеспечении интересов ребенка и даже не упомянули об этом принципе в своем решении или постановлении. В связи с этим автор утверждает, что такая ненадлежащая оценка наилучшего обеспечения интересов ребенка, ходатайствующего о предоставлении статуса беженца, сама по себе представляет собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции в совокупности со статьей 22 Конвенции.

3.2 Автор утверждает, что российский закон о гей-пропаганде представляет собой непрерывно совершаемое нарушение права на частную жизнь лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, а также их семей путем стигматизации их образа жизни. Существует опасность того, что дети родителей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов могут быть переданы на попечение в государственное учреждение против их воли или воли их родителей. По этой причине во избежание в будущем дискриминации, психического и физического насилия автор вынужден скрывать, что он знает об отношениях своих родителей и даже лгать о них. В российском обществе автор также ограничен в получении любой информации о гомосексуальности и лесбиянках, геях, бисексуалах и транссексуалах, в том числе об их семейной жизни, которая ему необходима для обеспечения его здоровья и благополучия как ребенка, принадлежащего к такой семье. Автору также отказано в праве на образование, которое развивало бы его личность как члена семьи и настраивало бы других детей на уважительное отношение к нему и его правам человека. Кроме того, продолжающаяся кампания в государственных средствах массовой информации описывает лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов в уничижительных выражениях и характеризует их как часть иностранного заговора с целью подорвать российские ценности. Автор подчеркивает, что такие постоянные заявления о неполноценности лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов и их семей потворствуют социальной нетерпимости по отношению к ним и их семьям, а также все более частому и скоординированному применению насилия экстремистскими группами по отношению к лесбиянкам, геям, бисексуалам и транссексуалам и отсутствию надлежащего реагирования со стороны полиции на такие инциденты⁷.

3.3 В этом контексте автор утверждает, что решение финских властей о высылке его и его семьи в Российскую Федерацию противоречит принципу наилучшего обеспечения его интересов, поскольку любое толкование законодательства финскими властями или принятое ими решение, которые создают опасность возобновления неправомерного обращения и подвергают его опасности указанных нарушений, не могут соответствовать принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка по смыслу статьи 3 Конвенции.

⁶ Автор ссылается на замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов.

⁷ См. Human Rights Watch, "License to harm: violence and harassment against LGBT people and activities in Russia", December 2014. Автор также подчеркивает, что международные органы по правам человека осудили закон о гей-пропаганде Российской Федерации и действия российских властей, а также выразили глубокую озабоченность по поводу их последствий для лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов и их семей; он ссылается на дело European Court of Human Rights, *Bayev and others v. Russia*, application No. 67667/09, and others.

3.4 Кроме того, автор утверждает, что неоспоримый факт неправомерного обращения с ним в Российской Федерации нарушает его право по статьям 2 и 19 Конвенции не подвергаться дискриминации на основе особых характеристик или иного статуса ребенка или его семьи и его право на защиту от причинения вреда и неправомерного физического или психологического обращения. В свете роста враждебности и насилия в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов в Российской Федерации он утверждает о нарушении его прав, предусмотренных статьями 13, 14, 16, 17 и 29 Конвенции, включая права на свободу выражения мнения, в том числе свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, на свободу мысли, на неприкосновенность личной жизни, которая должна служить защитой для ребенка от нападков на его образ жизни, доброе имя, семью и дом, на получение информации, важной для его здоровья и благополучия, а также на образование, которое бы в полной мере было направлено на развитие личности, талантов и способностей ребенка и побуждало детей уважать других людей, права человека, свою собственную и другие культуры.

3.5 Автор утверждает, что, хотя его мать, В.Б. подала жалобу в Европейский суд по правам человека, эта жалоба касается прав его матери, а не его самого, и поэтому она отличается от настоящей жалобы⁸. Кроме того, Европейский суд по правам человека заявил, что не может рассмотреть заявление В.Б., поскольку она не выполнила все условия, предусмотренные Регламентом Суда⁹. Заявление не было своевременно изменено, и поэтому дело не было рассмотрено по существу.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 В своих замечаниях от 22 октября 2018 года государство-участник заявило, что данное сообщение следует признать неприемлемым.

4.2 В отношении утверждения автора, основанного на статьях 3 и 22 Конвенции, государство-участник заявляет, что этот же вопрос был рассмотрен в рамках другой процедуры международного разбирательства или урегулирования и что по этой причине сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии с пунктом d) статьи 7 Факультативного протокола. Государство-участник отмечает, что факт невыполнения матерью автора условий, изложенных в Регламенте Суда объясняется ее собственными действиями, и, судя по всему, семья пытается найти другой способ оспорить отклонение ее ходатайства о предоставлении убежища после того, как ей не удалось сделать это через Европейский суд по правам человека. Хотя у настоящего сообщения другой автор, вопрос, затронутый в нем, по существу, совпадает с вопросом, поднятым в Европейском суде по правам человека. В силу этого настоящее сообщение следует признать неприемлемым на основании пункта d) статьи 7 Факультативного протокола и в соответствии с пунктом 3 f) правила 16 правил процедуры Комитета по Факультативному протоколу.

4.3 Государство-участник также заявляет, что центральное утверждение автора основано на том, что он не удовлетворен результатами внутреннего разбирательства по вопросу о предоставлении убежища. В этой связи государство-участник отмечает, что Комитет не должен использоваться в качестве суда четвертой инстанции. Комитет не должен переоценивать факты и доказательства, которые были должным образом рассмотрены национальными властями, а также ставить под сомнение выводы и заключения, приводимые в их решениях. Государство-участник добавляет, что при принятии своих решений по итогам рассмотрения ходатайства автора о выдаче вида на жительство и его ходатайства о предоставлении убежища финские власти учли принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка наряду с другими факторами, в частности наряду с необходимостью защиты семейной жизни и культурными и

⁸ 22 декабря 2017 года мать автора подала жалобу по поводу того же иммиграционного разбирательства в Европейский суд по правам человека. Заявление касалось предполагаемых нарушений по статьям 3 (запрещение пыток), 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и 14 (запрещение дискриминации) Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

⁹ А именно правило 47 Регламента Европейского суда по правам человека. См. www.echr.coe.int/Documents/Rule_47_ENG.pdf.

социальными связями автора со страной происхождения его семьи. Государство-участник вновь заявляет, что автор добровольно покинул Финляндию в августе 2017 года при содействии Международной организации по миграции.

4.4 Государство-участник утверждает, что автор не обосновал свои утверждения в Комитете и что по этой причине сообщение должно быть признано неприемлемым как явно необоснованное по смыслу пункта f) статьи 7 Факультативного протокола.

4.5 В заключение государство-участник утверждает, что жалобы автора по статьям 2, 13, 14, 16, 17, 19 и 29 Конвенции являются неприемлемыми ввиду неисчерпания внутренних средств правовой защиты, как того требует пункт e) статьи 7 Факультативного протокола. Государство-участник добавляет, что в соответствии с пунктом f) статьи 7 Факультативного протокола эти части сообщения автора должны быть объявлены неприемлемыми как недостаточно обоснованные.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 5 февраля 2019 года автор представил комментарии от по замечаниям государства-участника.

5.2 В отношении утверждения государства-участника о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым, поскольку этот же вопрос был представлен на рассмотрение Европейского суда по правам человека, автор подчеркивает, что по причине несоблюдения процессуальных условий суд отклонил заявление его матери, не заняв никакой позиции в отношении приемлемости или существа дела, и что поэтому вопрос, представленный на рассмотрение Комитета, не был рассмотрен в рамках другой международной процедуры по смыслу пункта d) статьи 7 Факультативного протокола и пункта 2 f) правила 16 правил процедуры Комитета в соответствии с Факультативным протоколом¹⁰.

5.3 По поводу утверждения государства-участника о том, что автор использует Комитет в качестве суда четвертой инстанции автор отмечает, что он не только не согласен с результатами внутреннего разбирательства, а даже утверждает, что финские власти не провели надлежащей оценки по вопросу о наилучшем обеспечении интересов ребенка в связи с его делом, что привело к принятию решения, которое явно противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка и равнозначно отказу в правосудии¹¹. Автор отмечает, что, хотя действующее внутреннее законодательство позволяет финским властям учесть принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка в рамках процедуры предоставления убежища, в его случае этого сделано не было. Вопрос заключается не в несовместимости национального законодательства с правами, гарантированными Конвенцией, как таковыми, а в несоблюдении национальными властями принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка.

5.4 Автор отмечает, что после возвращения в Российскую Федерацию он и его семья уже трижды были вынуждены переезжать в другой город по причине того, что по месту жительства и/или в школе автора узнавали о том, что его родители являются однополной парой. До сих пор родители автора по-прежнему пытаются скрыть характер своих отношений в школе автора, утверждая, что одна из его матерей на самом деле является его тетей, хотя поддерживать эту ложь стало сложнее, учитывая, что сам автор теперь знает истинный характер их отношений и иногда случайно делится

¹⁰ Автор также отмечает, что процессуальное требование, которое не выполнила его мать, заключалось в предоставлении суду текстов перевода на английский язык письменных заявлений семьи на различных этапах судебного разбирательства в Финляндии. Суд сообщил законному представителю его матери, что тексты перевода должны быть представлены по почте письмом, датированным не позднее 4 января 2018 года. Письмо пришло в Финляндию через несколько дней после того, как истек крайний срок для повторной подачи заявления.

¹¹ См. European Court of Human Rights, *Jeunesse v. Netherlands*, application No. 12738/10, para. 120; *Neulinger and Shuruk v. Switzerland*, application No. 41605/07, para. 135; and *Karrer v. Romania*, application No. 16965/10, para. 46.

информацией об этом с другими людьми. Эта ситуация привела к тому, что автор испытывает психологические проблемы и вынужден посещать невропатолога. Он проявляет симптомы тревоги и нередко испытывает проблемы со сном. Все это также повлекло за собой соматические симптомы, например выражающиеся в проблеме со зрением автора, которые вызваны его постоянным нервным напряжением, ставшим причиной спазма кровеносных сосудов глаз.

5.5 По вопросу об исчерпании внутренних средств правовой защиты автор вновь заявляет, что он ссылается на нарушение его прав по статье 3, рассматриваемой в совокупности со статьей 22 Конвенции, в процессе внутреннего разбирательства. Автор также утверждает, что в сообщении он ссылается и на другие права по Конвенции, чтобы продемонстрировать различные элементы, которые финские власти должны были учесть при оценке наилучшего обеспечения интересов ребенка в его случае. Замечания государства-участника по этому поводу придают вес мнению автора о том, что финские власти не провели надлежащий анализ принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, в основу которого положены все права, закрепленные в Конвенции.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 В замечаниях от 21 февраля 2019 года государство-участник повторило свои предыдущие замечания относительно приемлемости сообщения и заявило, что сообщение является необоснованным. Государство-участник утверждает, что заявление автора о том, что его не выслушали в ходе процесса, следует признать неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола. Государство-участник утверждает, что ни автор, ни его семья никогда не ссылались на то, что Иммиграционная служба Финляндии должна была заслушать его лично. В ходе внутреннего разбирательства было подано ходатайство о проведении устного слушания в Административном суде Хельсинки, однако в нем не было прямо указано желание, чтобы автор был заслушан в ходе рассмотрения апелляции. По этой причине Административный суд не считал необходимым проведение устного слушания для выяснения фактов и принятия решения по данному вопросу.

6.2 Ссылаясь на общую правовую базу, обеспечивающую защиту прав просителей убежища, государство-участник подчеркивает, что в соответствии с Законом об иностранцах наилучшему обеспечению интересов ребенка и обстоятельствам, связанным с его развитием и здоровьем, уделяется особое внимание. До принятия решения в отношении ребенка, достигшего как минимум 12-летнего возраста, ребенок должен быть заслушан, если только такое заслушивание не является явно излишним, при этом мнения ребенка должны быть приняты во внимание с учетом его возраста и уровня развития. Ребенок младшего возраста также может быть заслушан, если он достиг достаточной зрелости, позволяющей принять во внимание его мнения. Государство-участник отмечает, что при рассмотрении вопроса о том, следует ли заслушивать несовершеннолетнего, власти должны с особой тщательностью разобраться в том, имеет ли принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка отношение к рассматриваемому вопросу, и определить, могут ли интересы ребенка отличаться от интересов опекуна (опекунов). Нет необходимости заслушивать ребенка по некоторым вопросам, по которым опекун подал ходатайство от имени ребенка и от себя лично, и интересы ребенка не могут считаться противоречащими интересам опекуна. Государство-участник отмечает, что автор рассматриваемого сообщения прибыл в Финляндию, когда ему было четыре года. На момент принятия решения Иммиграционной службой ему исполнилось шесть лет. Принимая во внимание его возраст и уровень зрелости, Иммиграционная служба приняла решение не заслушивать его в процессе рассмотрения вопроса о предоставлении убежища. В связи с этим не было сочтено, что принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка противоречит интересам его опекунов.

6.3 По поводу предполагаемого нарушения статьи 3 Конвенции государство-участник утверждает, что принцип наилучшего обеспечения интересов полностью

отражен в упомянутом выше национальном законодательстве и в решениях национальных властей, которые соответствуют требованиям статьи 3¹². Государство-участник отмечает, что по итогам рассмотрения вопроса о предоставлении вида на жительство по соображениям сострадания Иммиграционная служба Финляндии постановила, что принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка прежде всего отвечает возможность жить и находиться вместе с его или ее родителями, которые лучше всего могут позаботиться о своих детях, обеспечить их благополучие и дать детям поддержку и руководство, необходимые для их роста и развития. Поэтому отказ в выдаче им видов на жительство, отказ в предоставлении убежища в Финляндии и отправка их обратно в страну происхождения не противоречат принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка. Следовательно, необходимость наилучшего обеспечения интересов ребенка получила должную оценку не только при рассмотрении вопроса о предоставлении вида на жительство по соображениям сострадания, но и при рассмотрении ходатайства семьи о предоставлении убежища и возвращении в Российскую Федерацию. Таким образом, национальные власти со всей тщательностью рассмотрели ситуацию автора в целом и в соответствии с конкретными указаниями Комитета. Были приняты во внимание и другие обстоятельства, относящиеся к этому конкретному вопросу, включая уязвимое положение автора, защиту и безопасность ребенка, а также его культурные и социальные связи.

6.4 В отношении предполагаемого нарушения статьи 22 государство-участник отмечает, что Конвенция не гарантирует право детей на въезд или проживание в конкретной стране¹³. Государство-участник подчеркивает, что принцип наилучшего обеспечения интересов может быть использован при толковании того или иного элемента из определения беженца, содержащегося в Конвенции о статусе беженцев¹⁴, но не в качестве альтернативы или с целью замены этого определения. Государство-участник ссылается на юридическую практику Комитета, относящуюся к высылке детей в тех случаях, когда Комитет оценивал наличие конкретной и личной опасности серьезного нарушения прав ребенка или наличие реальной опасности нанесения непоправимого вреда ребенку¹⁵. Исходя из этой правовой практики, государство-участник приходит к выводу об очевидной необходимости определенной характеристики или степени тяжести потенциальной опасности, с учетом которой для государств — участников Конвенции возникает обязательство в отношении недопущения неправомерной высылки. Государство-участник утверждает, что опасности серьезного нарушения прав автора или причинения непоправимого вреда ребенку не существует, и вновь заявляет о том, что финские власти провели тщательную оценку положения сексуальных меньшинств в Российской Федерации, а также конкретной и личной ситуации автора, включая его опасение быть изъятым из

¹² В отношении широко распространенного мнения о наилучшем обеспечении интересов ребенка, изложенного в статье 3 Конвенции, государство-участник ссылается на European Court of Human Rights, *X v. Latvia*, application No. 27853/09; и *Jeunesse v. Netherlands*; замечание общего порядка № 14 (2013) Комитета; и совместное замечание общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) и Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции.

¹³ См. *Jeunesse v. Netherlands*. Государство-участник также отмечает, что Российская Федерация связана теми же обязательствами по статьям 3 и 22 Конвенции в отношении соблюдения прав ребенка, что и другие государства-участники.

¹⁴ Автор ссылается на замечание общего порядка № 6 (2005) Комитета об обращении с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения.

¹⁵ Например, по сообщению *А.И. против Дании* (CRC/C/78/D/7/2016), п. 8.12, касающегося предполагаемого обращения заявителей в ислам и принципов наилучшего обеспечения интересов ребенка при высылке А.И. в Афганистан, в котором Комитет сослался на необходимость потенциального существования конкретной и личной опасности серьезного нарушения прав А.И., закрепленных в Конвенции, после возвращения и в конечном итоге постановил, что заявители не обосновали наличие такой опасности. Аналогичным образом, по сообщению *К.И.М. против Дании* (CRC/C/77/D/3/2016), п. 11.3, касающемся высылки девочки в Сомали, где она предположительно столкнется с опасностью быть насильно подвергнутой калечащим операциям на женских половых органах, Комитет сослался на необходимость наличия реальной опасности причинения ребенку непоправимого вреда.

семьи в случае возвращения в Российскую Федерацию, с учетом принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка¹⁶. Миграционные власти также посчитали, что издевательства, которым подвергся автор, не соответствуют критериям преследования, поскольку действия против него не носили особо серьезного характера. Исходя из вышесказанного, миграционные власти пришли к выводу об отсутствии соответствующих оснований полагать, что автор столкнется с реальной опасностью непоправимого вреда в стране происхождения, что подтверждается тем фактом, что автор не указывает на то, что он пострадал от серьезного вреда или преследований после своего возвращения.

6.5 Государство-участник также утверждает, что утверждения автора по статьям 2, 13, 14, 16, 17, 19 и 29 не вызывают никаких отдельных вопросов.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

7.1 В комментариях от 19 августа 2019 года автор повторил свои предыдущие комментарии относительно приемлемости. В отношении аргумента государства-участника о неисчерпании внутренних средств правовой защиты в связи с его утверждением о том, что он не был заслушан, автор отмечает, что сам факт того, что финские власти решили не заслушивать его в ходе внутреннего разбирательства, не был указан в качестве отдельного утверждения о нарушении Конвенции. Этот факт был указан лишь для того, чтобы пояснить содержание внутреннего разбирательства по делу автора.

7.2 Автор утверждает, что проведенное национальными властями рассмотрение не отвечает критериям системной оценки по вопросу о наилучшем обеспечении интересов ребенка. Автор утверждает, что им следовало провести углубленную и учитывающую интересы ребенка оценку существования опасности серьезного нарушения Конвенции, приняв во внимание уязвимость автора как члена группы меньшинства, к которой относятся его родители-лесбиянки, а также огромное количество доступной информации о текущем положении детей родителей-лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов. В этой связи автор добавляет, что национальные власти не оценили оказываемое на него психологическое и эмоциональное воздействие вследствие неправомерного обращения, например в детском саду и откровенно враждебной обстановки и дискриминационной политики Российской Федерации в отношении сексуальных меньшинств в более широком смысле. Не была проведена оценка того, насколько безопасным и защищенным будет положение автора в случае его возвращения в Российскую Федерацию. Учитывая, что национальные власти признали как факт, что лица, принадлежащие к группам сексуальных меньшинств, подвергаются опасности насилия или других серьезных нарушений их прав в Российской Федерации, следовало провести индивидуальную оценку безопасности автора как ребенка родителей-лесбиянок. В этом контексте автор подчеркивает, что в отличие от того, что было ранее, на этот раз будет невозможно скрыть отношения между его матерью и ее партнершей, поскольку он узнал о них в период нахождения семьи в Финляндии, а по возвращении семьи в Российскую Федерацию знание об этих отношениях неизбежно получит распространение, в следствие чего автор окажется более уязвимым к тому, чтобы стать жертвой нарушения его прав¹⁷.

¹⁶ В этом смысле государство-участник утверждает, что рассматриваемое сообщение отличается от сообщения *К.И.М. против Дании*.

¹⁷ Автор также добавляет, что его случай отличается от случая, рассмотренного в рамках предыдущей правовой практики Комитета по сообщению *А.И. против Дании*, которое Комитет признал неприемлемым ввиду отсутствия обоснования авторами наличия личной и серьезной опасности; таким образом, если по тому сообщению национальные власти пришли к выводу о том, что обращение авторов в христианство не являлось подлинным, то по рассматриваемому сообщению национальные власти признали как факт, что опекуны автора являются лесбиянками.

7.3 Кроме того, по утверждению автора, дополнительным подтверждением существования для него личной и серьезной опасности являются симптомы соматического и психического характера, которые возникли у него по возвращении семьи в Российскую Федерацию, а также тот факт, что его семья была вынуждена уже три раза сменить место жительства после того, как автор случайно раскрывал отношения своих родителей, вызывая тем самым враждебное отношение к ним со стороны их окружения. Следовательно, решение финских властей вернуть автора в Российскую Федерацию поставило его под угрозу серьезных нарушений его прав по Конвенции.

Материалы, представленные третьей стороной

8.1 15 апреля 2020 года Международная сеть по правам ребенка, Международная комиссия юристов, Международная ассоциация лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексуалов — Европа, Международная ассоциация лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексуалов — Мир и Сеть европейских ассоциаций семей ЛГБТИК* направили представление об участии третьей стороны с целью передачи информации, имеющей значение для оценки наилучшего обеспечения интересов детей у родителей лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексуалов в контексте высылки в Российскую Федерацию.

8.2 Третьи стороны обращают особое внимание на важность применения «целостного и ориентированного на ребенка» подхода с учетом «индивидуальных и специфических обстоятельств и потребностей ребенка», а также на два процедурных аспекта. Первый аспект заключается в том, что на процедурном уровне должен быть сделан особый акцент на право ребенка быть заслушанным, с тем чтобы продемонстрировать важность, которую необходимо придавать предоставлению ребенку возможности выразить свое мнение. Второй аспект заключается в том, что, как пояснил Комитет, лицу, принимающему решение недостаточно поверхностно сослаться на принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. При изложении аргументации следует четко изложить все факты, касающиеся обстоятельств, в которых находится ребенок, элементы были признаны имеющими значение для оценки наилучших интересов ребенка, значимость этих элементов в данном конкретном случае и степень их учета в контексте определения наилучшего обеспечения интересов ребенка¹⁸.

8.3 По вопросу о наилучшем обеспечении интересов ребенка и недопустимости произвольной высылки третьи стороны повторяют, что принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка при удовлетворении или отклонении ходатайств о въезде в страну или проживании в ней должен учитываться в полном объеме и что, поскольку эти интересы должны быть одним из главенствующих соображений, следовательно, иметь высокий приоритет¹⁹.

8.4 Согласно международным стандартам и судебной практике, сексуальная ориентация представляет собой фундаментальный аспект идентичности и самосознания человека, и лесбиянки, геи, бисексуалы и транссексуалы имеют такое же право на свободу выражения и ассоциации, как и другие люди. Тот факт, что заявитель может избежать преследования, скрывая или оставаясь «незаметным» с точки зрения своей сексуальной ориентации или гендерной идентичности, или делал это ранее, не является веской причиной для отказа в предоставлении статуса беженца. Сокрытие своей сексуальной ориентации требует подавления фундаментального аспекта своей идентичности²⁰, при этом вынужденное сокрытие своей сексуальной ориентации

¹⁸ Замечание общего порядка № 14 (2013), п. 97. См. European Court of Human Rights, *Cința v. Romania*, application No. 3891/19, para. 52; и *G.S. v. Georgia*, application No. 2361/13, para. 45.

¹⁹ Совместное замечание общего порядка № 3/№ 22 (2017), п. 29. См. также *A.I. против Дании*.

²⁰ УВКБ, Рекомендации по международной защите № 9: ходатайства о предоставлении статуса беженцев в связи с сексуальной ориентацией и/или гендерной идентичностью в контексте статьи 1А (2) Конвенции 1951 года о статусе беженцев и/или Протокола к ней 1967 года; Federal Court of Canada, *Sadeghi-Pari v. Canada (Minister of Citizenship and Immigration)*; European Court of Human Rights, *I.K. v. Switzerland*, application No. 21417/17; and Court of Justice

может также привести к значительному психологическому ущербу и другим формам вреда²¹. Это обстоятельство вызывает особую озабоченность, если просители убежища, чьи ходатайства о предоставлении убежища были отклонены, вынуждены скрывать свою сексуальную ориентацию или ориентацию своих родственников после возвращения в попытке избежать преследования, учитывая, что страх обнаружения и связанного с этим неправомерного обращения со стороны государственных или негосударственных субъектов может присутствовать на протяжении всей жизни. Третьи стороны утверждают, что то же самое относится и к детям, вынужденным скрывать свое семейное происхождение в попытке избежать издевательств или не быть изъятыми у родителей, и что в некоторых случаях психологический вред равнозначен преследованию. В частности, риск обнаружения особенно высок в случае малолетних детей, имеющих родителей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, поскольку малолетние дети не могут полностью сдержать себя и не рассказать о своем семейном статусе. Законы, криминализирующие однополые отношения, и так называемые «антипропагандистские» законы, даже если они не применяются на систематической основе, по сути, заставляют детей скрывать сексуальную ориентацию своих родителей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, поскольку в любой момент информация о ней может быть использована против их родителей. По этой причине дети, находящиеся в таких условиях, могут предпочесть скрыть свой семейный статус из страха подвергнуться насмешкам, травле или потерять друзей, но в этом случае они рискуют оказаться в одиночестве и отдалиться от своих сверстников.

8.5 По мнению третьих сторон, отсутствие юридического признания семейной структуры автора, а также существование законов, стигматизирующих сексуальную ориентацию родителей, негативно сказываются на детях лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов. Факты показывают, что взросление во враждебном правовом и социальном климате оказывает прямое и косвенное воздействие на права человека детей родителей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, включая их права на здоровье, образование и свободу от дискриминации²².

8.6 По вопросу о положении детей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов в Российской Федерации третьи стороны отмечают, что несоразмерно негативное воздействие «антипропагандистских» законов на детей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, например в форме преследования и насилия по отношению к таким детям, хорошо задокументировано²³. Ряд международных и региональных правозащитных органов выразили свою обеспокоенность по поводу законодательства Российской Федерации, которое поощряет стигматизацию и дискриминацию лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов, включая детей, а также детей родителей лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов. Международная ассоциация лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексуалов оценила Российскую Федерацию как «худшую страну в Европе для сексуальных и гендерных меньшинств» и отметила, что ситуация еще более ухудшилась после принятия закона о гей-пропаганде²⁴. В более широком контексте подавления прав человека и

of the European Union, *X, Y and Z v. Minister voor Immigratie en Asiel (Minister for Immigration and Asylum)*, joined cases No. C-199/12–No. C-201/12, para. 70.

²¹ УВКБ, Рекомендации по международной защите № 9, п. 33.

²² UNICEF, “Eliminating discrimination against children and parents based on sexual orientation and/or gender identity”, Current Issues, No. 9, November 2014. URL: <https://www.unicef.org/media/91126/file>.

²³ См., например, информацию организаций гражданского общества, представленную Комитету в рамках рассмотрения объединенных четвертого и пятого периодических докладов Российской Федерации по Конвенции в 2013 году, а именно: совместные материалы Антисексизмационного центра «Мемориал», ЛГБТ-группы «Выход» и Российской ЛГБТ-сети; материалы организации «Хьюман райтс уотч»; материалы ЛГБТ-группы «Выход»; материалы Российской ЛГБТ-сети; и альтернативный доклад Коалиции НПО. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Countries.aspx?CountryCode=RUS&Lang=EN.

²⁴ International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association–Europe, report of the Executive Board for 2012/13. Третьи стороны отмечают, что по состоянию на 2019 год ситуация не изменилась.

верховенства закона дискриминация и другие формы нарушения прав человека в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов совершаются в атмосфере безнаказанности и, как правило, остаются безнаказанными, а это, в свою очередь, узаконивает насилие в отношении лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов и оказывает влияние на общественное мнение. Эта неправительственная организация также подчеркнула, что дети подвергаются опасности быть изъятыми у родителей социальными службами и что против родителей выдвигаются обвинения по закону о пропаганде, и привела в этой связи несколько примеров²⁵. По одному из недавних дел российский суд принял решение о лишении гражданина России права на опеку лишь на том основании, что заявитель состоял в однополном союзе²⁶, а по другому делу у родителя-транссексуала изъяли двух приемных детей и лишили его опеки над ними.

Комментарии автора по материалам, представленным третьими сторонами

9. 18 мая 2020 года автор представил свои комментарии по материалам, представленным третьей стороной, в которых он отметил свое согласие с третьей стороной и повторил, что, как описано третьими сторонами, он вынужден скрывать сексуальную ориентацию своих матерей в попытке избежать преследования, а также что он опасается обнаружения этого факта и связанного с этим неправомерного обращения со стороны государственных или негосударственных субъектов. Автор считает, что эта ситуация является причиной такого психологического ущерба, который равносителен преследованию. Соответственно, решение финских властей вернуть автора и его семью в Российскую Федерацию без проведения надлежащей оценки вопроса о наилучшем обеспечении интересов ребенка явным образом представляет собой произвольную высылку.

Комментарии государства-участника к представлению третьих сторон

10. 20 мая 2020 года государство-участник представило свои комментарии по материалам, представленным третьими сторонами, в которых оно указало, что третьи стороны не сообщили ничего, что могло бы привести к оценке сообщения иначе, чем это было сделано в его предыдущих замечаниях, и повторило свои предыдущие замечания относительно оценки наилучшего обеспечения интересов ребенка миграционными властями.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

11.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в том или ином сообщении, Комитет должен в соответствии с правилом 20 своих правил процедуры решить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

11.2 Комитет принимает к сведению возражение государства-участника о том, что утверждения автора, основанные на статьях 3 и 22 Конвенции, следует признать неприемлемыми, поскольку этот же вопрос уже рассматривался Европейским судом по правам человека. Вместе с тем Комитет отмечает неоспоримое утверждение автора о том, что жалоба, поданная в Европейский суд по правам человека, касалась прав его матери и что суд, тем не менее, не рассмотрел дело по существу из-за невыполнения формальных требований. Комитет считает, что суд не рассматривал тот же вопрос по

²⁵ Третьи стороны указывают в качестве одного из примеров случай с журналисткой, являвшейся открытым геем, которой адвокат, занимающийся вопросами усыновления (удочерения) прямо посоветовал покинуть страну, поскольку она столкнулась с реальным риском потерять своего сына, после того как она организовала кампанию против «закона о гей-пропаганде». В другом широко освещавшемся случае в сентябре 2019 года гей-пара была вынуждена бежать из Российской Федерации после того, как стала объектом преследования за воспитание двух мальчиков, усыновленных одним из партнеров.

²⁶ 4 марта 2015 года, Советский районный суд города Астрахани.

смыслу пункта d) статьи 7 Факультативного протокола и, следовательно, ничто не препятствует рассмотреть настоящее сообщение на основании этого положения²⁷.

11.3 Комитет принимает к сведению утверждения автора, основанные на статьях 2, 13, 14, 16, 17 и 29 Конвенции, касающиеся инцидентов и ограничений, с которыми автор столкнулся, будучи ребенком родителей-лесбиянок, в правовом и социальном контексте Российской Федерации. Вместе с тем Комитет отмечает, что автор не обосновал в достаточной степени эти утверждения в качестве предполагаемых нарушений обязательства государства-участника о недопустимости неправомерной высылки и объявляет эти части сообщения неприемлемыми в соответствии с пунктом f) статьи 7 Факультативного протокола.

11.4 Вместе с тем Комитет отмечает, что утверждения автора, касающиеся предполагаемой опасности вновь подвернуться неправомерному обращению в результате решения финских властей вернуть его в Российскую Федерацию, действительно подпадают под обязательства государства-участника в отношении недопустимости неправомерной высылки, являются достаточно обоснованными для целей приемлемости и поднимают вопросы по статье 19 Конвенции.

11.5 Комитет отмечает, что утверждения автора по статьям 3 и 22 Конвенции, касающиеся предполагаемого непринятия во внимание национальными властями принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в качестве основного соображения в контексте процедуры предоставления убежища и вида на жительство, также являются достаточно обоснованными для целей приемлемости.

11.6 Соответственно, Комитет признает утверждения автора по статьям 3, 19 и 22 приемлемыми и приступает к рассмотрению сообщения по существу.

Рассмотрение по существу

12.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей представленной ему сторонами информации, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 10 Факультативного протокола.

12.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что при рассмотрении его ходатайства о предоставлении убежища или вида на жительство национальные власти в нарушение его прав по статьям 3 и 22 Конвенции не провели надлежащей оценки по вопросу о наилучшем обеспечении интересов ребенка. В частности, автор утверждает об отсутствии индивидуальной оценки его безопасности как ребенка родителей-лесбиянок и о том, что в ходе разбирательства не были учтены его мнения, причем непроведение обеих оценок не оспаривается государством-участником. Комитет напоминает о том, что оценка наличия риска серьезных нарушений Конвенции в принимающем государстве должна проводиться с учетом факторов возраста и пола²⁸, что наилучшие интересы ребенка должны приниматься во внимание в качестве одного из главенствующих соображений при принятии решений, касающихся возвращения ребенка, и что такие решения должны гарантировать, что после возвращения ребенок будет в безопасности, ему будет обеспечен надлежащий уход и полная и эффективная реализация прав, признанных в Конвенции, а также его всестороннее развитие²⁹. Наилучшие интересы ребенка должны обеспечиваться в явной форме посредством индивидуальных процедур в качестве неотъемлемой части любого административного или судебного решения, касающегося возвращения ребенка³⁰, а правовое обоснование всех судебных и административных постановлений и решений также должно опираться на этот принцип³¹. Комитет напоминает о том, что оценка наилучших интересов ребенка должна производиться при соблюдении права ребенка на свободное выражение своих

²⁷ *Y и Z против Финляндии* (CRC/C/81/D/6/2016), п. 9.2.

²⁸ Замечание общего порядка № 6 (2005), п. 27.

²⁹ Совместное замечание общего порядка № 3/№ 22 (2017), пп. 28, 29 и 33.

³⁰ Там же, п. 30; *У.А.И. против Испании* (CRC/C/73/D/2/2015), п. 4.2; *А.И. против Дании*, п. 8.8; и *К.Х. и др. против Испании* (CRC/C/82/D/27/2017), п. 8.6.

³¹ CRC/C/FIN/CO/4, п. 28.

взглядов и что по всем затрагивающим его вопросам этим взглядам необходимо уделять должное внимание³². Комитет напоминает также, что рассмотрение и оценка фактов и доказательств для определения наличия опасности серьезного нарушения Конвенции по возвращении, как правило, входит в компетенцию органов государств-участников за исключением тех случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или приравнивается к судебной ошибке³³.

12.3 В данном случае Комитет отмечает, что и Иммиграционная служба Финляндии, и Административный суд Хельсинки сослались на прошлый опыт семьи, связанный с угрозами и дискриминацией, а также с издевательствами в отношении автора, но пришли к выводу, согласно которому эти факторы не могут рассматриваться как равнозначные преследованию. Комитет также отмечает, что решение Иммиграционной службы включает заявление о том, что «наилучшее обеспечение интересов любого ребенка заключается в том, чтобы дать ему возможность жить вместе с родителями».

12.4 Комитет напоминает о том, что для наглядного подтверждения факта соблюдения права ребенка на то, чтобы его или ее наилучшие интересы оценивались и принимались во внимание в качестве первоочередного соображения, любое решение в отношении ребенка или детей должно быть мотивировано, обосновано и разъяснено. При изложении аргументации следует четко указать все факты, касающиеся обстоятельств, в которых находится ребенок, то, какие элементы были признаны уместными для оценки его наилучших интересов, содержание элементов в данном конкретном случае и степень значимости, которая была им придана в контексте определения наилучших интересов ребенка³⁴. В этой связи Комитет отмечает, что формальная и общая ссылка Иммиграционной службы Финляндии на наилучшее обеспечение интересов ребенка без учета мнения автора означает, что конкретные обстоятельства, относящиеся к случаю автора, не были рассмотрены, и оценка наличия опасности серьезного нарушения Конвенции с учетом его конкретных обстоятельств не была проведена.

12.5 Комитет отмечает, что, принимая решение о высылке автора, власти государства-участника не учли должным образом реальную опасность серьезного нарушения прав автора, например в результате насилия и преследования, после его возвращения в Российскую Федерацию, которую можно было предвидеть на момент принятия решения на основании его прошлого опыта в качестве жертвы дискриминации и издевательства. В частности, Комитет отмечает, что не были учтены ранний возраст автора на момент принятия решения и постоянное воздействие, которое могут оказать на автора непрерывные издевательства и стигматизация по причине сексуальной ориентации его матери. Это привело к тому, что государство-участник не установило реальную опасность причинения непоправимого вреда автору в качестве основания для выполнения обязательств по недопущению неправомерной высылки.

12.6 В свете вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник не учло должным образом принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка в качестве основного соображения при рассмотрении ходатайства автора о предоставлении убежища на основании сексуальной ориентации его матери и не оказало ему защиты от реальной опасности причинения ему непоправимого вреда по его возвращении в Российскую Федерацию.

13. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3, 19 и 22 Конвенции.

³² Замечание общего порядка № 14 (2013), п. 43.

³³ *У.А.И. против Испании*, п. 4.2; *Наварро Пресентасьон и Медина Паскуаль против Испании* (CRC/C/81/D/19/2017), п. 6.4; *А.И. против Дании*, п. 8.8; и *С.Е. против Бельгии* (CRC/C/79/D/12/2017), п. 8.4.

³⁴ Замечание общего порядка № 14 (2013), п. 97.

14. Государство-участник отмечает, что В.Б. и А.С. подали заявление о содействии добровольному возвращению, которое было удовлетворено, и что 7 августа 2017 года они вернулись в Российскую Федерацию вместе с автором. В свете этого Комитет полагает, что с учетом обстоятельств данного дела государство-участник обязано предоставить автору эффективное возмещение, включая надлежащую компенсацию. Государство-участник также обязано предпринять все необходимые шаги для предотвращения подобных нарушений в будущем, в частности путем обеспечения эффективного и систематического учета принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в контексте процедуры предоставления убежища и систематического заслушивания детей.

15. В соответствии со статьей 11 Факультативного протокола Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых им по выполнению Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается включить информацию о любых принятых мерах в свои доклады Комитету, представляемые в соответствии со статьей 44 Конвенции. Государству-участнику предлагается также обнародовать настоящие Соображения и широко распространить их на своих официальных языках.
